УДК 94(47).032

М. Б. Свердлов

Александр Невский — гений стратегии и тактики

В соответствии с определениями С. И. Ожегова, *талант* — это выдающиеся природные способности, *гений* — высшие творческие способности[1]. Я бы добавил, что талант создает новые ценности всех видов человеческой деятельности в пределах ее парадигмы, гений создает новую позитивную парадигму человеческой деятельности. Что касается темы статьи, надо иметь в виду, что понятия *стратегия* и *тактика* относятся не только к военной, но также к общественно-политической деятельности.

Эти вводные замечания необходимы для анализа деятельности Александра Невского. Ее изучению и изложению посвящено бесчисленное множество работ. Среди них можно выделить два основных направления. Одно из них — научные исследования, в которых анализируются множественные объективные факторы и их следствия в деятельности Александра Невского. Другое направление следует принципам художественной правды. По законам этого жанра происходит отбор исторических фактов и их целенаправленная интерпретация. Следствием такого подхода является осознанная идеализация князя.

Уже автор «жития», «слова» или «повести о житии» Александра Невского, как называется в рукописях это замечательное произведение, вероятно, созданное в 1280-х гг. книжником из окружения митрополита Кирилла, наделил его идеальными свойствами библейских и исторических героев: «Но и взор его паче иных человек, и глас его — акы труба в народе, лице же его — акы лице Иосифа <...>, сила же бе его — часть от силы Самсоня, и дал бе ему Бог премудрость Соломоню, храборъство же его — акы царя римскаго Еуспесиана <...>»[2].

Идеальное изображение исторических персонажей характерно также для устного народного творчества. Примеры такой идеализации в Новое время — трансформация небольшого ростом князя Александра в богатыря-воина — защитника России от внешних врагов в гениальном фильме С. М. Эйзенштейна, на замечательном по художественным достоинствам полотне П. Д. Корина. На советском ордене Александра Невского изображен в профиль Н. К. Черкасов в роли Александра Невского. По законам художественной правды в образе героя воплощается народная или авторская мечта о победе добра над злом, правды — над ложью (кривдой).

В новейшее время активного вторжения постмодернизма в художественное творчество и гуманитарное знание определяющим стало не реалистическое в многообразии средств познание объективной действительности, но субъективное авторское самовыражение без объективных критериев. Изучение биографии и деяний Александра Невского, как и средневековой истории России в целом, обладает еще одной особенностью. При использовании сведений о них в исторических источниках обязательно следует учитывать особенности их происхождения и содержания, степень их достоверности, выявленные источниковедческим анализом. Это — принцип профессионального отношения к каждому историческому исследованию в отличие от любительского подхода, допускающего иллюстративное, потребительское использование сведений источника без учета времени их происхождения и степени достоверности.

Бóльшая часть известий об Александре Невском и его времени содержится в летописях. Между тем, в разных традициях летописных сводов эти сведения существенно различаются по содержанию. Древнейшие из них, близкие ко времени Александра, содержатся в Новгородской первой летописи старшего извода (в ее основе находятся, вероятно, своды, написанные около 1268 и в 1330-х гг.), а также в Лаврентьевской летописи (владимирские своды XIII в.). В летописных сводах XV — первой половины XVI в. содержатся сведения, дополняющие древнейшие тексты, но это информация более позднего историко-литературного происхождения, подчас противоречащая известиям сводов более древних[3]. Особое значение Александра Невского в тяжелейший период отечественной истории конца 1230 — первой половины 1260-х гг. способствовало тому, что при изучении его деятельности особое внимание уделялось воинским победам. В то же время системный подход к анализу основного содержания жизненного пути Александра Невского позволяет раскрыть его сущность гениального стратега и тактика также и в политике.

Особенностью жизни и деятельности Александра Невского является то, что годы его молодости в значительной мере прошли на северо-западе русских земель, где во второй трети XII — XIII в. сформировалась общественно-политическая система Новгородской республики, аналогичная строю северогерманских городов[4]. Этой системе было свойственно не только городское самоуправление, но и договорные отношения с княжеской, королевской или

императорской властью. Без ее военной и политической поддержки такие города существовать не могли.

Понятие *политическая раздробленность* раннесредневекового государства, прежде политически единого, относительно. В советской научной литературе абсолютизировалось понятие *феодальная раздробленность*. По нашему мнению, со второй трети XII до второй половины XV в. этнополитическое и культурное единство русских земель продолжало существовать, поскольку сохранилась его этнокультурная основа — народ русский, а также изначальная многоэтничность на значительном пространстве его расселения. Сохранялся высший общественно-политический статус княжеской династии Рюриковичей. Князья литовские и ордынские «царевичи» находились в русских землях в статусе служилых или служебных. Сохранилось единство церковного пространства Русской митрополии и русского литературного языка, на котором были написаны документы, летописи и художественные произведения. До XV в. в качестве источника права использовалась Правда Русская, созданная в первой четверти или первой трети XII в., а летописи сохранили единство исторической традиции с древнейших времен. Территория этого относительно единого Русского государства периода политической раздробленности стала существенно уменьшаться по мере экспансии Великого княжества Литовского и королевства Польского.

Как следует из всего комплекса нарративных и юридических исторических источников, прежде всего новгородско-княжеских договорных грамот, в Новгородской республике середины XII — XIII в. общественные функции князя были ограничены военным делом и участием в смесном суде [5]. В договорных грамотах конкретно указаны ограничения для князя — в написании грамот только при участии посадника, в получении особой подати *дара* или обычных податей от конкретных волостей. В них регламентировано право княжеской охоты, рыбной ловли и варения медов для княжеского двора. Князю, его княгине и боярам запрещалось держать закладников, им же, а также княжеским дворянам не разрешалось «держать» села и «ставить» слободы — села с зависимыми людьми — челядью, а также покупать села и принимать их «даром», выводить население из мест его проживания. Конкретно указывалось ограниченное число «пожней», необходимых для содержания коней князя, а также его служилых людей, бояр и дворян. Регламентировалось право поездок князя по территории Новгородской республики[6].

Из этих же исторических источников следует, что князь в своем княжестве обладал верховными военными, административными и судебными функциями. Как следует из условий новгородско-княжеских договорных грамот, князья в своих княжествах отменяли действие уже изданных княжеских грамот, без вины лишали «мужа» волости, т.е. управления и кормления, своей властью давали волости и грамоты своим служилым людям в управление и кормление. Всё, что запрещалось или ограничивалось в Новгородской республике, в полной мере осуществлялось князьями в своих владениях.

Различия в социально-политических, но не в социально-экономических системах княжеств и Новгородской республики имели следствием формирование в значительной мере различавшихся направлений социально-политического развития русских земель. Их результатом в Новгороде стали постоянные конфликты князей, которые стремились к расширению своих прав, и новгородцев, которые настаивали на соблюдении князьями условий договорных отношений. Эти противоречия осложнялись постоянной внутренней социальной и межклановой боярской борьбой. Новгородские политические группировки вовлекали в нее князей, которые находились в Новгороде в соответствии с договорами, а также тех, которых новгородские бояре или более широкие социально-политические группировки привлекали в качестве союзников. Все эти противоречия имели следствием постоянные социально-политические конфликты, которые сопровождались убийствами новгородских бояр, посадников и тысяцких, их новгородских сторонников, изгнанием из Новгорода князей и избранием на княжение новых с очередным составлением договорных грамот.

Феномен юных княжичей-наместников в Новгороде — следствие необходимости для князей осуществлять династическое представительство и контроль над всей территорией своих княжеств. Этот феномен существовал еще в период политического единства Русского государства X — первой трети XII в. Как написал в середине X в. византийский император Константин Багрянородный, использовавший материалы императорского архива и собственные сведения, сын «архонта Росии» Игоря Святослав «сидел» в «Немогарде» — Новгороде [7]. То есть контролировалась экономическая, политическая, историческая и идеологическая ось Русского (Древнерусского) государства Киев–Новгород (до X в. — Ладога). Позднее эта традиция продолжалась до периода политической раздробленности со второй половины XII в., когда киевских князей стали сменять в Новгороде, центре торговли со странами Балтийского региона, князья других русских княжеств. В X–XIII вв. и позднее княжичи-наместники лишь продолжали традицию представительства князей-отцов в Новгороде.

При изучении жизни и деятельности Александра Невского исследователи явно недостаточно учли опыт его отца — переяславского князя, с 1238 г. великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича (1190–1246). Он осуществлял активную деятельность до 1212 г. в южнорусских землях, с 1212 г. — в северо-восточных и северо-западных русских землях. С перерывами, вызванными политическими конфликтами, Ярослав Всеволодович являлся князем в Новгороде с 1223 до 1236 г. За это время он совершил поход на Колывань (1223 г.), отражал нападения литовцев, в 1234 г. совершил успешный поход на владения Тевтонского ордена в землях восточных эстов. В 1236–1238 гг. Ярослав Всеволодович — князь Киевский. После гибели старшего брата великого князя Владимирского Юрия в сражении на р. Сити (4 марта 1238 г.) с ордынским войском Батыя он стал великим князем Владимирским. В 1243 г. Ярослав Всеволодович отправился в ставку Батыя, который признал его старшим среди

русских князей, а в 1245 г. — в Каракорум, где в 1246 г. был отравлен. Действия Ярослава Всеволодовича свидетельствуют о нем как об активном и талантливом политике и полководце.

В 1228 г. Ярослав Всеволодович, тогда князь Переяславский и Новгородский, оставил в Новгороде князьями-наместниками своих сыновей — девятилетнего Федора и семилетнего Александра. В качестве реальных представителей княжеской власти Ярослав Всеволодович оставил с княжичами своего боярина Федора Даниловича и тиуна Якима. Федор и Александр Ярославичи приобретали опыт политического руководства. Но вскоре в Новгороде произошла очередная распря. Ее обстоятельно описал новгородский летописец: «И не досыти бы зла, но еще более того: возмятеся весь город, и поидоша с веця в оружии на тысячьского Вяцеслава, и розграбиша двор его и брата его Богуслава и Андреичев, владыцня стольника, и Давыдков Софиискаго, и Судимиров; а на Липьниньскаго старосту, тамо послаша грабить, а самого хотеша повесити, но ускоци к Ярославу; а жену его яша, рекуче яко “ти на зло князя водять”; и бысть мятеж в городе велик. <...> Тогда отяша тысячьское у Вячеслава и даша Борису Негочевичю, а к князю послаша к Ярославу на том: “Поеди к нам, забожницье отложи, судье по волости не слати; на всеи воли нашеи и на всех грамотах Ярославлих ты наш князь; или ты собе, а мы собе”». В таких обстоятельствах боярин Федор Данилович и тиун Яким бежали ночью, «поимше с собою 2 княжичя, Федора и Александра»[8]. Здесь и далее приходится приводить обширные цитаты из исторических источников, поскольку в многочисленных работах распространяются идеализирующие характеристики новгородского общественно-политического строя как вечевого или как гармоничной деятельности князя и посадника («дуумвиров»), как новгородской общины. Но эти мнения — особая историческая и историографическая проблема.

Победившая новгородская боярская группировка избрала своим союзником черниговского князя Михаила Всеволодовича — противника Ярослава Всеволодовича, но она также потерпела поражение. Как написал новгородский летописец, когда сын Михаила Черниговского Ростислав с новгородским посадником Внездом Водовиком приехали в Торжок в воскресенье 8 декабря 1230 г. для последующего торжественного вступления в Новгород, там снова произошел переворот. На следующее утро убили другого посадника, Семена Борисовича, сторонника черниговских князей, «а дом его весь разграбиша и села, а жену его яша <...> такоже и Водовиков двор и села, и брата его Михаля, и Даньслава, и Борисов тысячьскаго, и Творимириць, иных много дворов. А Водовик, то зло услышав, побеже с Торжьку с братьею, и Борис тысячьскыи и новоторжьчи к Михаилу в Цьрнигов. И даша посадничьство Степану Твьрдиславичю, а тысячьское Миките Петриловичю, а добыток Сменов и Водовиков по стом (по сотням. — *М. С.*) розделиша». После этого были отправлены послы в Переяславль к Ярославу Всеволодовичу. Далее, продолжил летописец, «Ярослав же вборзе приде в Новгород месяца декабря в 30, и створи веце, и целова святую

Богородицю на грамотах на всех Ярославлих. И седев 2 недели, иде опять в Переяславль, поя с собою мужи новгородьскыя моложьшая, а сыны своя 2 посади Новегороде, Феодора и Олександра»[9]. То есть для сохранения своей власти в Новгороде и для безопасности сыновей Ярослав взял с собой в Переяславль новгородских заложников, тогда как Федор и Александр Ярославичи, еще дети, вновь стали обучаться премудростям государственного управления в условиях Новгорода и являть там символическое присутствие своего отца. Этот опыт княжения в Новгороде уже в детстве раскрыл Александру негативные стороны республиканского строя своего времени.

Ярослав Всеволодович продолжал подготовку своих сыновей к будущему самостоятельному княжению. Можно предположить, что он взял с собой в поход на владения Тевтонского ордена в 1234 г. своего сына Александра. Некоторые авторы писали об этом без колебаний[10], хотя в обоих списках Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов таких сведений нет[11]. Но Александр, без сомнения, знал подробности «ледовой» битвы на р. Омовже, где войско Ордена было разбито объединенным войском новгородцев и переяславцев. Причем, как написал новгородский летописец о немцах, «и ту обломишася и стопе их много»[12]. То есть это сражение показало одно из уязвимых мест тяжело вооруженного рыцарского войска во время сражения на льду реки или озера.

События середины — второй половины 1230-х гг. способствовали быстрому становлению Александра как политика и воина. В 1236 г. Ярослав Всеволодович отправился в Киев на княжение, а в Новгороде, как написал летописец, «посадил» Александра. В конце 1237 г. Батый напал на Рязанское княжество. Его князья обратились за помощью к великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу, но тот, как написал летописец, «ни послуша князи рязаньских молбы, но сам хоте особь брань створити»[13]. Ордынское нашествие разорило Рязанское княжество и все северо-восточные русские земли. Владимир был взят штурмом.

При таких обстоятельствах Ярослав Всеволодович стал князем Владимирским. В 1243 г. он поехал в ставку Батыя, где и был поставлен «старейшим» над всеми русскими князьями[14]. Батый попытался осуществить интеграцию подчиненных русских земель в состав Золотой Орды. Это намерение Батыя трансформировалось в пожалование ордынским ханом русскому князю ярлыка на великое княжение Владимирское. Такое пожалование было дополнено введением института баскаков, которые в сопровождении ордынских отрядов осуществляли на подчиненных землях сбор дани и учет населения. Действия баскаков и численников становились причиной восстаний местного русского населения.

Ситуация на северо-западных и западных рубежах русских земель в первой половине XIII в. становилась всё более напряженной. Швеция, подчинив финское юго-западное племя суоми (др.-рус. *сумь*), стремилась распространить свое

господство на прибалтийско-финское племя ямь (др.-рус. *емь*), которое со времени Ярослава Мудрого платило дань киевским князьям, а в XII–XIII вв. — Новгороду[15]. В Прибалтике с начала XIII в. активную политику завоевания местных народов и их насильственной христианизации осуществляли Орден меченосцев и Тевтонский орден. Вследствие активного сопротивления прибалтийских народов эти два ордена в 1237 г. объединились в Ливонский орден, который сохранил автономное существование относительно Тевтонского ордена[16]. В таких сложных военных и политических обстоятельствах на северо-западе и западе русских земель особое значение приобретала деятельность Александра Ярославича, оставленного отцом в Новгороде.

Испытания для молодого князя начались уже в 1240 г. Тогда Шведское королевство предприняло поход на новгородские владения. Критический анализ исторических источников позволил установить, что шведское войско представляло собой морское ополчение — ледунг во главе с ярлом Ульвом Фаси. Вероятно, в нем участвовал вспомогательный отряд племени сумь[17]. Шведы высадились при впадении р. Ижоры в Неву. В научной литературе изложены самые разные гипотезы относительно целей этого похода, от контроля над устьем Невы и строительства там шведского замка до подчинения Новгородской земли посредством организации крестового похода. Новгородский летописец изложил шведские намерения конкретно: «<...> хотяче всприяти Ладогу, просто же реку и Новъгород и всю область Новгородьскую»[18]. «Старейшина» ижорской земли Пелгусий сообщил в Новгород о появлении шведского войска на Неве, и, как написал новгородский летописец, Александр, «не умедли ни мало, с новгородци и с ладожаны приде на ня и победи я <...>». В отличие от многих гипотез, предполагавших движение войска Александра по Волхову, Ладожскому озеру и Неве, представляется более обоснованным предположение А. Н. Кирпичникова, по мнению которого войско Александра проследовало форсированным маршем значительно более коротким сухопутным путем в 150 км[19].

В научной литературе изложено много гипотез относительно хода сражения на Неве 15 июля 1240 г. Из повествования новгородского летописца следует, что шведы понесли значительные потери и уплыли, тогда как в войске Александра было убито «всех 20 мужь с ладожаны»[20]. Возможно, в указании такого соотношения потерь выразилась характеристика сражения победителей, склонных преувеличивать потери противника и преуменьшать собственные, но в нем явно отразилось неравное соотношение потерь противника и русского войска. Такое соотношение свидетельствует о внезапности нападения на противника войска Александра[21]. Победа в Невской битве свидетельствовала о выдающемся таланте Александра как тактика.

В том же 1240 г. Ливонский орден активизировал военные действия против Пскова, являвшегося «пригородом» Новгорода, т.е. городом, подчиненным новгородскому административно-политическому управлению. Согласно Новгородской первой летописи старшего извода, «взяша немци Изборск», а когда

псковское войско отправилось отбить это нападение, оно было наголову разбито. Псковский посадник Твердило Иванкович вступил в сговор с Орденом и стал управлять Псковом совместно с немцами, разоряя новгородские села. Орден, укрепляя свое положение на Псковской земле, построил крепость Копорье, что свидетельствовало о его стремлении закрепиться на захваченных землях, а также о намерении развить успех по отношению к Новгороду. Между тем, зимой 1240/1241 гг. Александр рассорился с новгородцами и отправился к отцу в Переяславль с матерью, женой и «со всемь двором своимь», как написал новгородский летописец. Орден напал на новгородскую Водскую пятину. В этих обстоятельствах новгородцы обратились к Ярославу Всеволодовичу, прося у него князя. Тот им «дал» сына Андрея. Однако новгородцы вновь отправили посольство, архиепископа и «мужей», чтобы Ярослав «дал» им Александра. Это было признанием новгородцами его полководческого гения. Ситуация была критическая. По словам летописца, «<...> а на волость новгородьскую наидоша литва, немци, чюдь, и поимаще по Луге вси кони и скот, и нелзе бяше орати (пахать — *М. С.*) по селом и нечим»[22].

Для Александра благо русских земель было выше распри с новгородцами. Он вернулся в Новгород и начал военные действия против Ордена. Они обстоятельно изложены в Новгородской первой летописи старшего извода. Объективность и информативность ее сведений особенно очевидна, если сравнить их с записью о них же в северо-восточном летописании, сохранившемся в Лаврентьевской летописи под 6650/1242 г.: «Великыи князь Ярослав посла сына своего Андреа в Новъгород Великыи в помочь Олександрови на немци и победиша я за Плесковом (Псковом. — *М. С.*) на озере и полон мног плениша, и възвратися Андреи к отцю своему с честью»[23]. Это — взгляд на происходившие события из Владимиро-Суздальского княжества. Сравнение с ним новгородского повествования свидетельствует, что его автор был новгородцем, современником, а возможно, и очевидцем событий. Его сведения позволяют в подробностях проследить последовательность военных действий.

Александр, вероятно, попросил поддержки отца, но уже до прихода своего брата Андрея с войском он собрал значительные силы — новгородское и ладожское ополчения, ополчения карелов и ижорян. Уже в 1241 г. Александр напал на Копорье и взял его, что имело большое стратегическое значение, поскольку, учитывая предстоящие военные действия, нельзя было оставить у себя в тылу крепость с немецким гарнизоном. Суровая действительность стала определять действия Александра как полководца и политика. Как написал летописец, он привел пленных немцев в Новгород, других пленных отпустил, а изменников вожан и чудь (здесь, вероятно, имеются в виду восточные эсты, которые поддерживали военные действия Ордена) приказал повесить.

Когда пришло войско во главе с Андреем Ярославичем, Александр продолжил войну с Орденом в зиму 1241–1242 гг. В отличие от кампании 1240 г., его военные действия против Ордена заключались в стратегическом маневрирова-

нии. Он не пошел сразу на занятый немцами Псков, а направился с объединенным войском на земли восточных эстов, завоеванных Орденом, «на Чудьскую землю на немци». Цель этого похода заключалась в том, чтобы предотвратить военную помощь Ордена псковскому гарнизону. Как написал летописец о смысле этого маневра Александра, «и заявси пути и до Пскова». После этого освобождение Пскова было предопределено: «...и изгони князь Пльсков», т.е. он взял город изгоном — быстрым нападением[24].

Захваченных во Пскове немцев и чудь Александр отправил в оковах в новгородское заключение. Его последующие действия свидетельствуют о продолжении стратегического маневрирования. Александр не отправился после победы в Новгород, а, напротив, «сам поиде на чюдь». Там он распустил войско на покорм, а отряд по главе с Домашем Твердиславичем и Кербетом отправил в разведку (они «быша в розгоне»). Вероятно, определяющей задачей этих действий стало выманивание на себя орденского войска. Как написал летописец, отряд Домаша и Кербета был разбит, оставшиеся воины прибежали в войско, «князь же въспятися на озеро (Чудское. — *М. С.*), немци же и чюдь поидоша по них». То есть задача сложного маневрирования была выполнена. В результате ледового побоища 5 апреля 1242 г. орденское войско было наголову разбито. Орден был вынужден отказаться от притязаний на новгородские земли. Гениальное стратегическое маневрирование Александра обеспечило безопасность русских земель от нападений с запада.

Победы Александра над шведами и ливонскими рыцарями имели как региональное, так и общерусское значение. В 1246 г., после смерти Ярослава Всеволодовича, у него появилась возможность в качестве великого князя распространить свою деятельность на все русские земли. Но к тому же стремился его младший брат Андрей, который в 1247 г. (по хронологии Лаврентьевской летописи) отправился к Батыю за ярлыком на великое княжение. Осознавая всю значимость этого поступка Андрея, Александр тогда же отправился к Батыю. Видимо, определяющим в этой мере являлось не отстаивание права на великое княжение старшего из братьев, а осознание того, что он лучше справится со сложнейшими задачами, стоящими перед русскими землями. Батый не решился тогда самостоятельно принять столь ответственное решение в споре братьев за первенство и отправил их в Каракорум. Там вынесли вердикт, ограничивавший возможности обоих Ярославичей. Как следует из северо-восточных летописных сводов в составе Лаврентьевской летописи, в 1249 г. в Каракоруме Александру «приказаша» Киев и «всю Русьскую землю», то есть ему был дан ярлык на великое княжение. По традиции в качестве стольного города ему был указан Киев. Андрею был назначен княжеский стол во Владимире[25].

Когда Александр прибыл в сожженный ордынским войском в 1240 г. Киев, в разоренные южнорусские земли, он понял, что они, некогда цветущие, утратили свое прежнее значение и стали окраиной русских земель. Плано Карпини (Джованни дель Пьяно-Карпине)[26], отправленный в 1246 г. папой Иннокентием IV

в качестве миссионера к монголам, подробно описал состояние южнорусских земель, по которым он проезжал по пути в Каракорум. Его сведения крайне важны для понимания политики Александра во второй половине 40 — начале 50-х гг. Карпини писал об ордынском нашествии, излагая собранные сведения: «<...> они пошли против Руссии и произвели великое избиение в земле Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве»[27].

Александр понял, что политическую и военную активность в русских землях он может осуществлять только на северо-западе, в Новгороде, и на северо-востоке, во Владимире. Вероятно, тогда же ему стало очевидно, что для противостояния Орде необходима концентрация власти великого князя Владимирского. Для этого необходимо было сместить с владимирского стола малоталантливого, но амбициозного младшего брата Андрея. Александр вернулся в Новгород. О его влиянии и активной позиции свидетельствует эпизод с поставлением в Новгороде архиепископа Далмата, который приехал туда в 1251 г. в сопровождении митрополита Кирилла. Как сообщает северо-восточное летописание, когда Александр «умолен быв», новгородцы «поставили» Далмата епископом (в новгородском летописании правильно — архиепископом)[28]. Поддерживая митрополита «Киевского и всея России», он приобретал его помощь в будущих своих действиях. Разумеется, не могло быть речи о принятии Александром католической веры и о его повиновении папе, на что надеялся Иннокентий IV в письме к Александру от 23 января 1248 г. Явно провокационной была просьба папы к Александру предупреждать Тевтонский орден в Ливонии о предстоящем нападении на него ордынского войска. Такое предупреждение угрожало русским землям ордынской кровавой расправой, которой они еще не могли противостоять. Провокацией папы являлось также утверждение в том же письме, что Александр не пожелал подставить свою шею «под ярмо татарских дикарей»[29].

Александр явно понимал коварство Иннокентия IV. Нельзя было забыть о недавней войне с Ливонским орденом. Но широта его стратегического мышления была столь значительна, что Александр не переносил эти негативные чувства на отношения с западными странами, столь необходимыми для торговли с ними. В своем послании от 15 сентября 1248 г. Иннокентий IV писал Александру: «...ты предложил воздвигнуть в граде своем Плескове соборный храм (cathedralem) для латинян»[30]. В Новгороде уже в XII в., до агрессии Ордена, существовали две католических церкви — св. Олава на Готском дворе и св. Петра на Немецком. Была построена католическая церковь и на Немецком дворе в Смоленске[31]. Их строительство стало следствием активных торговых и полити-

ческих связей Новгорода со скандинавскими странами (с X в.) и с северогерманскими городами (с XII в.). Обещание Александра построить соборную церковь во Пскове, западном форпосте против Ливонского ордена, могло означать его дипломатическую попытку сдержать крестоносную агрессию не только военными средствами, но также используя авторитет папы римского. Мирные методы ее сдерживания были столь же важны, как и военные. В данной связи уже в наше время митрополит Владимир отметил, что, защищая Русскую землю и православную веру, Александр был далек от национальной и религиозной ненависти[32].

Сложен в своем содержании анализ событий 1252 г., когда Александр получил ярлык на великое княжение и вокняжился во Владимире. В научной литературе распространено мнение, что он отправился в Орду к хану Сартаку, сыну Батыя. По наущению Александра тот направил царевича Неврюя, т.е. чингизида, на Андрея Ярославича, разорил Владимир и северо-восточные русские земли. Вследствие этого Андрей должен был бежать в Швецию, а Александр получил ярлык. Такое мнение сформировалось вследствие компиляции разных по происхождению летописных известий[33].

В Лаврентьевской летописи, включившей владимирские летописные своды XIII в., под 6760/1252 г. содержится сложный по содержанию текст. Он начинается с сообщения о поездке Александра в Орду (в связи с невозможностью значительного цитирования далее следует комментированное изложение летописных текстов). Те отпустили его «с честью великою, давшее ему стареишинство во всеи братьи его». Далее без связи с эти текстом следует запись о том, что Андрей решил лучше «бегать», чем служить ордынским ханам. Он «побеже на неведому землю» с женой и своими боярами, а ордынцы погнались за ним и догнали у Переяславля-Залесского. Но Андрей остался жив, тогда как ордынцы разъехались по княжеству, захватили вдову Ярослава Всеволодовича и его младших детей. Вдову они убили, а детей отправили в плен, увели бесчисленное множество пленников. Кто руководил этим набегом, не указано. Без связи с этими событиями в летописи далее написано, что ордынцы отпустили князя Олега Рязанского «в свою землю». Продолжил это изложение событий текст, возвращающий повествование к его началу: «Того же лета. Приде Олександр, князь великыи, ис татар в град Володимерь и усретоша и (его. — *М. С.*) со кресты у Золотых ворот митрополит и вси игумени, и гражане и посадиша и (его. — *М. С.*) на столе отца его Ярослава <...> и бысть радость велика в граде Володимери и во всеи земли Суждальскои»[34]. То есть в северо-восточном летописании XIII в. ордынское нашествие 1252 г., вероятно, не было соотнесено с противостоянием Александра и Андрея Ярославичей и с ханским пожалованием Александру ярлыка на великое княжение. Эта летописная версия сохранилась и в XV в.[35]

В Новгородской первой летописи старшего извода об этих событиях сведений нет. В Новгородской первой летописи младшего извода (ее протограф доводил повествование до 1432 г.)[36] указано только, что в 6759/1251 г. (возможно,

это был мартовский год, включавший первые месяцы 1252 г.[37]) «пришел» на Суздальскую землю на князя Андрея Ярославича Неврюй, князь бежал «за море» в Швецию, и его убили[38]. Этот вариант изложения событий был включен в свод митрополита Фотия 1418 г., отразившийся в летописном своде 1428 г. (гипотеза Б. Н. Клосса). Но в этом своде было указано, что Андрей был убит чудью[39]. Такой же текст содержится во второй выборке Новгородской Карамзинской летописи, датируемой А. Г. Бобровым 1430 г.[40] Летописная традиция, не связывавшая причину нашествия Неврюя и бегства Андрея в Швецию с притязаниями Александра Ярославича на великое княжение Владимирское, продолжалась до первой половины XV в.

Изменения в интерпретации этих событий прослеживаются на примере тверского летописания XV в. На основании предшествовавшего накопленного исследовательского опыта и собственных наблюдений над рукописью Б. М. Клосс датировал Рогожский летописец 1440-ми гг.[41] В нем традиционно кратко перечислены под 6759/1251 г. нашествие Неврюя на Суздальскую землю, бегство Андрея Ярославича в Швецию и его убийство чудью. Под следующим годом как о самостоятельном событии написано, что Александр отправился в Орду, его вновь отпустили «с честию, давше ему стареишиньство в всеи братии» и он стал великим князем[42]. Далее следуют записи о тверской и общерусской истории.В так называемом Тверском сборнике использована Тверская летопись конца XV в.[43] Под 6760/1252 г. уже традиционно для предшествующего летописания сообщается о том, что Александр отправился в Орду и в том же году Неврюй напал на Андрея Ярославича и Суздальскую землю. Но это повествование наполнено новыми подробностями. В рассказе об Орде назван царь Сартак, сын Батыя. Вместе с Неврюем напали на Русь Котяк и Олабуга Храбрый. Они шли до Переяславля «таящеся». Андрей встретил их со своими полками, но был разбит. Он бежал в Новгород, а затем во Псков, где дождался своей княгини, после чего отправился в Колывань, а затем в Швецию. Там его «с честью» встретил «местер свеискии». Оттуда он послал за своей женой в Колывань, а в Швеции позднее был убит. Далее следует древний текст о пленении вдовы Ярослава Всеволодовича и т.д. Возвращение Александра из Орды по-прежнему изложено как самостоятельное от предшествующего событие и добавлено, что он «по пленении Неврюеве церкви въздвигну и люди събра»[44].

Так в немного сокращенном и переработанном виде в тверском летописании отразился историко-литературный рассказ, восходивший к одному из летописных сводов, митрополичьих или княжеских, первой половины XV в., относительно конкретного содержания и времени написания которых среди специалистов по истории летописания ведется острая дискуссия. В этом рассказе, несмотря на содержащиеся литературные подробности (это особая тема исследования), поездка Александра в Орду по-прежнему не ставится в причинно-следственную связь с нападением Неврюя, бегством Андрея и возвращением Александра во Владимир великим князем[45].

В первой четверти XVI в. автор так называемого Владимирского летописца, вероятно, москвич[46], традиционно написал об изложенных ранее событиях 1252 г., но он объяснил Неврюево нашествие винами князя Андрея Ярославича: «<...> не хотя ходити в Орду служити им и выходу (т.е. дань, "ордынский выход". — *М. С.*) давать»[47]. Вину за произошедшие трагические события летописец возложил на неразумные действия Андрея.

Когда Александр стал великим князем Владимирским, он продолжил свою деятельность полководца и дипломата, совмещая защиту общерусских и региональных интересов. В Новгороде он посадил князем-наместником своего старшего сына Василия. Александр и его сын продолжали защищать, насколько было возможно в условиях политической раздробленности Русского государства, русские земли от нападений западных соседних государств — Литвы (1253, 1258), Ливонского ордена (1253), Швеции (1256). Военные и политические возможности Александра были ограничены постоянной ордынской угрозой, внутренними усобицами князей, включая братьев Александра, а также политической волей Новгородской республики.

Для решения этих задач достаточно было тактических мер. В таких условиях Александр решил на западном направлении и стратегическую задачу разграничения территориальных владений с Норвегией. Одновременно велись переговоры относительно династического союза русского княжича Василия Александровича и норвежской принцессы Кристин, дочери конунга Хакона. Если ранее в научной литературе эти события относились к 1251 или 1252 г., то в соответствии с последними исследованиями это значительное по последствиям решение территориальных проблем отнесено к 1257 г. Впрочем, заключение династического союза не состоялось[48].

Одновременно Александр в качестве великого князя Владимирского и фактического князя Новгородского при маленьком князе-наместнике Дмитрии поддержал заключение договора с «Готским берегом». В. Л. Янин датирует этот договор 1259–1263 гг., Е. А. Рыбина — 1259–1260 гг.[49] Его нормы исполнены мирного содержания, утверждения максимально благоприятных условий для торговли: «Что ся учинило тяже (тяжбы. — *М. С.*) межи новгороци и межю немци, и гты (готландцы. — *М. С.*) и со всем латиньскым языкъм, то все отложихом, а мир докончахъм на сеи правде. Новгороцм гостити (торговать, приезжать. — *М. С.*) на Гоцкыи берег бес пакости, а немцьм и гтъм гостити в Новъгород бес пакости и всему латиньскому языку, на старыи мир»[50].

Гениальность Александра как политика и полководца заключалась в многообразии методов отстаивания интересов русских земель в отношениях с соседними государствами и народами. Они были мирными при активизации торговых отношений с прибалтийскими странами и народами, при решении пограничных конфликтов и попытке установления династического союза в отношениях с Норвегией, но заключались в сочетании дипломатического маневрирования и военного противостояния в отношениях со Швецией, Ливонским

орденом и народами Прибалтики. Столь же значительным для русских земель в 1240–1250-х гг. являлось воздействие с запада литовского фактора. Его значение сразу стало очевидно итальянцу Плано Карпини, который со спутниками ехал из Галицко-Волынского княжества в Киев. Он написал: «<...> всё же мы ехали постоянно в смертельной опасности из-за литовцев, которые часто и тайно, насколько могли, делали набеги на землю Руссии и особенно в тех местах, через которые мы должны были проезжать; и так как бóльшая часть людей Руссии была перебита татарами (так обобщенно стали называть ордынцев в русских и западноевропейских землях. — *М. С.*) или отведена в плен, то они поэтому отнюдь не могли оказать им сильное сопротивление <...>»[51].

Сложные отношения с Золотой Ордой Батыя и с чингизидами в Каракоруме, их стремление интегрировать подчиненные русские земли в состав Орды посредством формирующейся системы ярлыков на великое княжение Владимирское, институтов баскачества и «числа», «ордынского выхода», многочисленных даней и повинностей, ханских указов русским князьям сопровождались процедурами прохождения между очистительными кострами, коленопреклонений, обыска, поднесения дорогих даров и так далее в случае приема у хана[52]. Они были унизительны для православных князей, которые сами привыкли повелевать. Некоторые из них, такие как черниговский князь Михаил Всеволодович, отказывались им следовать, за что их казнили. Других ордынские правители уничтожали, опасаясь их возрастающего политического и военного могущества. Так поступили с отцом Александра Ярославом Всеволодовичем. Его вызвали в 1246 г. в императорскую ставку для участия в церемонии возведения на престол Гуюка. Тогда там же оказался Плано Карпини. Его повествование об отравлении русского князя содержит существенные подробности. О причине этого отравления он писал как о широко распространенном среди монголов наблюдении (тело князя «удивительным образом посинело») и о соответствующем выводе: «Поэтому все поверили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею». Когда же мать нового императора отправила гонца «в Руссию», чтобы Александр явился к ней для пожалования ему владений отца, тот отказался ехать. Папский посланник пришел к выводу: «Однако все верили, что, если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену»[53].

В таких обстоятельствах содержание отношений с Ордой подчиненного ей русского князя, тем более великого князя Владимирского, должно было оставаться прежним — полная зависимость от решений ее ханов во избежание гибели или нашествия, подобного Неврюевой рати. К тому же великому князю приходилось подавлять внутренние распри князей, а также Новгородской республики, раздираемой социальными и политическими противоречиями. Вследствие этих распрей и противоречий в 1255 г. новгородцы «выгнаша вон» Василия Александровича, а на новгородский княжеский стол «посадиша» Ярослава Ярославича, который в 1253 г. бежал из своего Тверского княжества.

Таким образом, новгородцы противопоставили Александру его младшего брата. Но и у самих новгородцев существовали противоречия между «меньшими», «черными людьми» и «вятшими», т.е. знатными и богатыми. Вследствие этих событий сторонник Александра посадник Михалко Степанович должен был бежать, а управлять Новгородом стал посадник Анания (Онанья). Но другая новгородская группировка призвала Александра, Ананию посадничества лишили, а Михалку Степановичу посадничество «даша». В следующем году Александр должен был отправиться в северо-восточные земли, а «сына своего Василья посади на столе».

Но ситуация в Новгороде всё более обострялась. Когда, по хронологии Новгородской первой летописи старшего извода, в 6765/1257 г. новгородцам стало известно, что ордынцы хотят взимать с них подати и пошлины («тамгы и десятины»[54]), всё лето они бунтовали. К «Госпожину дню», т.е. к Успенью Пресвятой Богородицы, посадник Анания умер. Посадник Михалко Степанович был убит новгородцами, что свидетельствовало об их выступлении и против Александра. В зиму 1257/1258 гг. в Новгород приехали ордынские послы и Александр, тогда как Василий, который присоединился к восставшим, бежал во Псков. Новгородцы отказались платить ордынским послам подати и пошлины. Они дали ордынскому хану только традиционные «дары царевы». Так что ордынские послы уехали, оставив Александра подавлять мятеж. Последствия могли быть непредсказуемы, так что великий князь принял решительные меры.

Александр заставил сына приехать из Пскова и отправил его в свои северо-восточные владения, «в Низ». Некоего Александра, вероятно, воеводу княжеской дружины Василия, как считал А. Н. Насонов[55], и саму эту дружину он жестоко покарал. Как написал новгородский летописец, «овому носа урезаша, а иному очи выимаша, кто Василья на зло повел»[56]. Но проблема переписи новгородцев и выплаты Орде податей и пошлин не была решена, тогда как в Орде решили не отправлять на Новгород карательное войско. Возможно, эту меру предотвратил Александр Невский, пообещав поддержку ордынским численникам.

Когда в 6767/1259 г. численники Беркай и Касачик с женами и «многими другими», как написано в Новгородской первой летописи, появились в Новгороде для переписи населения, взимая также натуральный и денежный корм, произошел «мятеж велик». Он осложнялся социальным конфликтом, поскольку, по словам летописца, «творяху бо бояре собе легко, а меншим зло». Александр должен был обеспечить охрану ордынцам по ночам. Но перепись была осуществлена, а Александр, уезжая из Новгорода, «посадил» своего сына Дмитрия «на столе». Великому князю важно было предотвратить карательный поход ордынцев. Такая политика имела стратегическое содержание: по отношению к Золотой Орде и к потомкам Чингисхана в Каракоруме пока возможна была только политика умиротворения и просьб. В частности, в 1262 г. Александр должен был поехать в столицу Золотой орды Сарай, чтобы отговорить хана Берке от мысли набирать русских воинов для войны с Ираном.

В следующем году он снова туда поехал, чтобы согласовать с Берке назначение преемника после своей смерти. Вероятно, результатом этой поездки стало то, что уже в начале 1264 г. новым великим князем стал его брат Ярослав Ярославич Тверской. Как отметил Р. Ю. Почекаев, так же позднее поступали его преемники — Василий Ярославич и Дмитрий Александрович, сын Александра Невского. Почекаев обоснованно предположил, что в условиях острого соперничества северо-восточных князей после смерти Ярослава Всеволодовича обсуждение преемника Александром и Берке стало началом такой традиции. Она позволила избежать конфликтов при передаче великокняжеской власти в это время потрясений и смут[57].

В связи с такими наблюдениями в научной литературе ставится вопрос о произошедшем в 1262 г. народном восстании в северо-восточных землях против ордынцев. Мнения исследователей относительно участия в нем князей, включая Александра Невского, разделились. Одни из ученых поддержали такое изложение событий, другие были с ним не согласны[58]. Между тем, вопрос об участии князей и Александра в этом восстании, по нашему мнению, не исторический, а источниковедческий.

В северо-восточном летописании, близком по времени к восстанию 1262 г., в составе Лаврентьевской летописи записано под 6770/1262 г.: «Изгнаша поганых (т.е. язычников ордынцев. — *М. С.*) от всех градов, не терпя насилья их»[59]. Эта запись только обобщила причину народного движения как ответ на «насилья». Рогожский летописец изложил события 1262 г. по суздальскому летописцу, доведенному до 1288 г.[60], также в обобщенной форме: «Того же лета бысть вече на бесермены и изгнаша их из градов, многу бо пакость твориху христианом»[61]. Слово *вече* здесь использовано в его древнем смысле разных форм социальной активности, включая восстание.

В составе последующих летописных сводов XV — первой половины XVI в., отразивших летописные своды первой половины XV в., появился текст, который объяснил с незначительными вариациями причину восстания не в ордынцах вообще, а в лихоимстве «басурман»-откупщиков, которые увеличили взимаемые подати и пошлины, вследствие чего русские люди должны были брать деньги в долг под большие проценты. Летописный свод, отразившийся в Новгородской четвертой летописи, сохранил обобщенное указание городов, которые это восстание охватило: «Вече бысть на бессермен по всемь градом Русским: откупляху бо ти бесермена дани тотарскиа и от того велику пагубу людем твориху, роботяще люди резы (отрабатывая проценты. — *М. С.*) и многи души раздно ведяху; и крестьяны (здесь: христиане. — *М. С.*) выгнаша а (их. — *М. С.*) из городов»[62].

Тот же летописный свод, но отредактированный, отразился в Софийской первой летописи и в других летописях XV — первой половины XVI в. Начало текста в нем о событиях 1262 г. приобрело дальнейшую литературную обработку: «*Избави Бог от лютаго томления бесерьменьскаго* люди Ростовсьсыя

земля *молитвами святыя Богородица и вложи ярость крестьяном в сердце, не терпящих насилия от поганых, и съзвониша вече*, и выгнаша я из городов <...>». Летопись перечислила северо-восточные города, откуда были изгнаны «бесермени» — не только Ростов, но также и другие наиболее значимые города Северо-Восточной Руси: Владимир, Суздаль, Ярославль, Переяславль[63].

Дальнейшие трансформации текста о восстании 1262 г. не прекратились. В конце 1520-х гг. при митрополичьей кафедре[64] в правление Василия III, отца Ивана Грозного, в условиях создания великими князьями Московскими многоэтничного политически единого Русского государства, была создана Никоновская летопись. Многие события на протяжении всего изложения домыслены и не подтверждаются историческими источниками, близкими по времени к этим событиям.

Восстание 1262 г. соотнесено в Никоновской летописи с убийством Батыя (так интерпретирована причина его смерти) и правлением его сына Сартака. Инициаторами и руководителями восстания назван не народ, а русские князья: «Князи же русстии, согласившеся межи собою, и изгнаша татар из градов своих, бе бо от них насилие, откупаху бо богатыя у татар дани и корыстовахуся сами, и мнози люди убозии в ростех работаху (отрабатывали долг с процентами. — *М. С.*). И тако князи русстии изгнаша татар, а иных избиша, а инии от них крестишася <...>»[65].

Такая история летописных текстов о восстании 1262 г. позволяет установить значительные различия в их содержании, что является особой темой для исследования. В данном случае она свидетельствует о недостоверности сообщения Устюжской летописи об участии в восстании Александра Невского. Но для понимания происхождения и смысла этого сообщения важно не извлекать из него отдельные слова и фразы, а рассмотреть его содержание в целом.

В Устюжской летописи первой четверти XVI в. северного русского происхождения, но имеющей общерусское содержание, прослеживаются связи текста о восстании 1262 г. с предшествующим летописанием, сообщающим о его общенародном содержании: «Бысть вечье на бесермены по всем градом русским...» Но их насилия объяснены расселением ордынцев по городам и постоянным пребыванием в них сборщиков дани — *ясащников*. Далее повествуется о причине строительства в Устюге на Сокольей горе «церкви Рожество Иванна <sic!> Предтечи»: «А на Устюзе городе тогда был ясащик Буга богатырь и взял у некоего крестьянина (христианина. — *М. С.*) дщерь девицу насилием за ясак на постелю. И приде на Устюг грамота от великаго князя Александра Ярославича, что татар бити, и девка сказала Буге. И он, пришед на вечье, и даби челом устюжаном на их воле, и крестися, а з девицею венчася, и наречено бысть имя ему Иванн». Далее излагаются бытовые подробности, соединенные с пророческим сном: «Се ж бысть чюдо дивно. Сеи Буга-Иван сед на конь, поеде с соколом на утицы, и бысть во утри день красен. И одержим бысть сном, и взыде на гору, и слез с коня, и привяза за древо, а сокол посади на луку у седла, а сам ляже

на землю и усну. И явися ему во сне Иванн Предоотечя <sic!>, глаголя: “На сем месте постави церковь мою во имя мое”», что Буга-Иван и совершил[66].

Литературное происхождение данного повествования, основанного на фольклорной традиции, очевидно. Это — распространенное до наших дней народное объяснение, подобное по научной терминологии «народной этимологии», происхождения местной достопримечательности или топонима[67]. Однако его автор был знаком и с летописями, продолжавшими древнюю традицию народного и новую версию княжеского происхождения восстания 1262 г. В данном случае в народном объяснении происхождения устюжской церкви Иоанна Предтечи на Сокольей горе в Александре Ярославиче, народном герое, победителе врагов России, княжеская версия персонифицировалась. Таким образом, по нашему мнению, в данном северном литературно-фольклорном повествовании нет оснований видеть доказательство участия Александра Невского в народном восстании 1262 г.

Анализ внутренней и внешней политики младшего брата Батыя Берке разъясняет, почему на русские земли не был отправлен для подавления этого восстания карательный поход золотоордынского войска. Не ведя военных действий, Берке вернул золотоордынского наместника к мятежным обитателям Крыма и принудил их к выплате ими ранее установленных налогов и пошлин. Галицкого князя Даниила Романовича, пытавшегося организовать с помощью правителей западных стран и папы римского военные действия против Орды, Берке заставил срыть укрепления крупных городов его княжества и снова признать сюзеренитет ордынского хана. Так что в мирном урегулировании последствий восстания 1262 г. в русских северо-восточных землях он был последователен. Вероятно, ему было достаточно признания верховной власти золотоордынского хана и восстановления даннических отношений. Стремление к мирному подчинению русских земель, вероятно, выразилось и в том, что уже в 1261 г. Берке позволил учредить в Сарае русскую православную епархию и выехать в Ростов своему племяннику, принять ему там православие и стать «царевичем Петром Ордынским»[68]. Стремлением к мирному урегулированию тяжелых для русских земель условий ордынской зависимости объясняются также поездки Александра Невского в 1262 и 1263 гг. (см. выше).

Можно предположить, что в правление Берке (1257–1266) и его преемника Менгу-Тимура (1267–1280) в Золотой Орде всё более отчетливо осознавали, что прямое ордынское управление русским землями невозможно и достаточно признания их автономного существования при организации системы великого княжения Владимирского. Вероятно, Александр не только способствовал утверждению идеи ее создания, что позволяло обеспечить относительную безопасность русских земель в условиях ордынской зависимости. Объективно этим он способствовал формированию одного из факторов, который будет содействовать их объединению и освобождению от этой зависимости.

В пределах русских земель Александр Невский в качестве великого князя Владимирского стремился собрать их и защитить. Он активно участвовал

в управлении Новгородской республикой, не являясь там князем номинально. Такой статус Александра объясняет, почему в договорной грамоте Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем 1266 г., вскоре после смерти Александра, особо оговаривалось, что тех волостей, которые раздал его брат Александр и его сын Дмитрий при участии новгородских властей, без вины лишать нельзя. Но те пожни, которые Александр отнял, не должны отходить его брату Ярославу. Ярослав должен был «отступиться» в Новгороде и от тех деяний Александра, которые тот совершил «насилием».

Эти условия были повторены в договорной грамоте Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем 1270 г., но с добавлением статьи об отмене старых грамот отца и брата князя, т.е. Ярослава Всеволодовича и Александра. Так Новгород восстанавливал свои суверенные республиканские права, нарушенные Александром, считавшим Новгородскую республику только одной из русских земель, защищая ее от врагов как составную часть великого княжения Владимирского.

Новгородский летописец понял общерусское свойство деятельности Александра и в связи с его кончиной написал: «Даи, Господи милостивыи, видети ему лице твое в будущии век, иже потрудися за Новъгород и за всю Русьскую землю»[69].

В контексте такого развития отношений русских земель и Золотой Орды становится ясно, что Александр Невский не только сформировал и осуществил военно-политическую концепцию последовательного активного противодействия военными и мирными средствами агрессивной политике западных соседей с одновременным подчинением ордынским ханам, что неоднократно было отмечено в предшествующей научной литературе. Он осуществил эти действия гениально, в высшей степени проявления таланта, регулируя русско-ордынские отношения в формирующейся системе великого княжения Владимирского. Во внутренней и внешней политике он использовал все методы, необходимые для достижения высшей цели русских земель — их спасения в тяжелейших обстоятельствах конца 1230 — середины 1260-х гг. Система великого княжения Владимирского создала для великих князей Владимирских возможность стать во главе объединенных русских земель и по мере накопления их экономической и военной мощи, процесса их интеграции освободиться от ордынской зависимости, создать через двести лет политически единое Русское государство при Иване III (1462–1505). Проблема заключалась в том, что поначалу было неясно, какая из княжеских ветвей Рюриковичей станет во главе этих процессов. Историческая действительность показала, что определяющее значение приобрела династия московских князей, родоначальником которой стал младший сын Александра Невского Даниил [70]. Основными ее средствами стали последовательное присоединение русских земель к княжеству Московскому и концентрация власти ее князей. Такие тенденции были намечены Александром Ярославичем, который для достижения общерусских и государственных целей использовал не только мягкие, мирные, но также жестокие методы.

Можно предположить, что гены этой династии более других потомков Александра Невского продолжили его талант гениального стратега и тактика в тяжелейших внутренних обстоятельствах русских земель и формирования единого Русского государства последней четверти XIII — второй половины XV в. среди враждебного окружения Швеции, Ливонского ордена, великого княжества Литовского, королевства Польского с запада и севера, Золотой орды и ее преемников с востока и юга.

---

1 *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 4-е изд. М., 1960. С. 125, 777.

2 Повести о житии и о храбрости благовернаго и великаго князя Александра / Подг. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // Библиотека литературы древней Руси. СПб., 1997. Т. 5: XIII век. С. 358; здесь и далее древнерусские тексты цитируются в упрощенной транскрипции.

3 Об истории этих летописных сводов см.: *Клосс Б. М.* Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. С. 245–247; *Лурье Я. С.* 1) Летопись Лаврентьевская // Там же. С. 241–245; 2) Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1978; *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Т. 6 (16). С. 3–72; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001; и многие другие.

4 Теме общественно-политического строя Новгорода посвящено множество работ; см. одну из последних дискуссий: *Севастьянова О. В.* Древний Новгород: Новгородско-княжеские отношения в XII — первой половине XV в. М.; СПб., 2011; Споры о новгородском вече: Междисциплинарный диалог. СПб., 2012. Здесь и далее автор следует концепции, которая, по его мнению, наиболее обоснована.

5 *Янин В. Л.* Князья новгородские // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2009. С. 243.

6 Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. № 1, 2, 3.

7 *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 44, 45.

8 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 67 (далее — НІЛ).

9 Там же. С. 70.

10 *Пашуто В. Т.* Александр Невский. М., 1974. С. 44–45; Летопись жизни и деятельности Александра Невского / Сост. Ю. К. Бегунов // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 206.

11 НІЛ. С. 72–73, 283.

12 Там же. С. 73.

13 Там же. С. 75.

14 Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись (далее — ПСРЛ. Т. 1). Стб 470.

15 *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 15–37, 122–146.

16 *Назарова Е. Л.* Ливонский орден // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014. С. 455.

17 Здесь и далее обстоятельный историографический и источниковедческий анализ см.: *Шаскольский И. П.* 1) Борьба Руси... С. 157–196; 2) Невская битва 1240 года в свете данных современной науки // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 20–21.

18 НІЛ. С. 77.

19 *Кирпичников А. Н.* Невская битва и ее тактические особенности // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 26.

[20] НІЛ. С. 77.
[21] По мнению А. Н. Кирпичникова, Невская битва была длительной, но, признавая значительные потери шведов, он не объяснил в сравнении с ними небольшое число убитых новгородцев и ладожан. О внезапности нападения Александра и больших шведских потерях свидетельствует также Житие, сведения которого А. Н. Кирпичников признает достоверными: *Кирпичников А.* Н. Невская битва... С. 26–28.
[22] Там же. С. 77–78.
[23] ПСРЛ. Т. 1. Стб 470.
[24] О таком содержании этой части военных действий см. также: *Кучкин В. А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 26.
[25] ПСРЛ. Т. 1. Стб 471–472.
[26] Итальянская форма имени уточнена В. И. Матузовой и Е. Л. Назаровой: *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 266; далее использована традиционная в российской историографии форма — Плано Карпини.
[27] *Иоанн де Плано Карпини.* История монгалов; *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны / Введ., пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1911. С. 25.
[28] ПСРЛ. Т. 1. Стб 472; НІЛ. С. 80.
[29] *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. С. 264–265.
[30] Там же. С. 268, 269.
[31] Там же. С. 271; *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001. С. 168–194; см. там же литературу.
[32] *Владимир, митрополит.* Святой Александр Невский как полководец и дипломат // Исторические ориентиры российской государственности: Александр Невский. М., 2008. С. 29.
[33] Возражения против такого мнения см. также: *Кучкин В. А.* Александр Невский... С. 28.
[34] ПСРЛ. Т. 1. Стб 473.
[35] ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007. С. V, 70.
[36] *Клосс Б. М.* Летопись Новгородская первая. С. 246.
[37] См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 271.
[38] НІЛ. С. 304.
[39] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. XI–XIV.
[40] ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002. С. 118*; Бобров А. Г., Дмитриева З. В.* От составителей // Там же. С. 14.
[41] *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. С. V–VII.
[42] ПСРЛ. Т. 15. Стб 31–32.
[43] *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 г. С. VII.
[44] ПСРЛ. Т. 15. Стб 396–397.
[45] ПСРЛ. М., 2000. Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. Стб 327–328; Т. 25: Московский летописный свод конца XVв. М.; Л., 1949. С. 141–142; Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 159–160. В результате анализа событий 1249–1251 гг. А. А. Горский обобщил их: «...поход Неврюя явно был запланированной акцией хана в рамках действий против неподчиняющихся ему князей, а не реакцией на жалобу Александра» (*Горский А. А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Новгород, 1995. С. 71).
[46] *Новикова О. Л.* Предисловие к изданию 2009 г. // ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 2009. С. IX.
[47] ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец. С. 91–92.
[48] *Джаксон Т. Н., Кучкин В. А.* Год 1251, 1952 или 1257? (К датировке русско-норвежских переговоров) // Восточная Европа в древности и средневековье: X чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1998. С. 24–28; *Джаксон Т. Н.*

Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — XIII в.): Тексты, перевод, комментарий. М., 2000. С. 207–216.

[49] *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 82–84; *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода... С. 112–113.

[50] Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 56–57.

[51] *Иоанн де Плано Карпини.* История монгалов. С. 45.

[52] Там же. С. 48–49, 55.

[53] Там же. С. 57.

[54] Еще И. И. Срезневский отметил значение тюркского слова «тамга» как вид подати у татар; на Руси второй половины XIII — первой трети XIV в. оно имело значение торговой пошлины: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб 924–925.

[55] НІЛ. С. 568.

[56] Там же. С. 82.

[57] *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010. С. 26–27, 261, примеч. 39.

[58] Краткий историографический обзор см.: *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: Эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2009. С. 168–170; авторы этой книги считают обоснованным мнение «о причастности Александра Ярославича к восстанию 1262 г.»: Там же. С. 170.

[59] ПСРЛ. Т. 1. Стб 524.

[60] *Лурье Я. С.* Летописец Рогожский // Словарь книжников и книжности древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 22.

[61] ПСРЛ. М., 2000. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. Стб 32.

[62] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. С. 233.

[63] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. С. 336; курсив наш.

[64] *Клосс Б. М.* Летопись Никоновская // Словарь книжников и книжности... Вып. 2, ч. 2. С. 49–50.

[65] ПСРЛ. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885. С. 143.

[66] ПСРЛ. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 3–6, 70; ср. аналогичное повествование с текстуальными отличиями: Там же. С. 30.

[67] По мнению Ю. В. Кривошеева, это сообщение Устюжской летописи указывает на то, что «во главе восстания стоял князь Александр Ярославич»: *Кривошеев Ю. В.* Александр Невский, монголы и народ // Исторические ориентиры... С. 89.

[68] *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские... С. 22–27.

[69] НІЛ. С. 84.

[70] На формирование исторической перспективы объединения русских земель вокруг Москвы в результате деятельности Александра Невского, но без ее конкретизации, ранее уже обращали внимание, см.: *Торкунов А. В.* Александр Невский и российская дипломатия // Исторические ориентиры... С. 18.

References

BEREZHKOV N. G. *Khronologiya russkogo letopisaniya*. M., 1963.

BOBROV A. G. *Novgorodskie letopisi XV veka*. SPb., 2001.

BOBROV A. G., DMITRIEVAZ. V. *Otsostavitelei* // PSRL. SPb., 2002. T. 42: Novgorodskaya Karamzinskaya letopis'.

VLADIMIR, mitropolit. *Svyatoi Aleksandr Nevskii kak polkovodets i diplomat* // Istoricheskie orientiry rossiiskoi gosudarstvennosti: Aleksandr Nevskii. M., 2008.

GIPPIUS A. A. *K istorii slozheniya teksta Novgorodskoi pervoi letopisi* // Novgorodskii istoricheskii sbornik. SPb., 1997. T. 6 (16).

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova / Pod red. S. N. Valka. M.; L., 1949.

DZHAKSON T. N. *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope (seredina XI — XIII v.)*: Teksty, perevod, kommentarii. M., 2000.

DZHAKSON T. N., KUCHKINV. A. *God 1251, 1952 ili 1257?* (K datirovke russko-norvezhskikh peregovorov) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. M., 1998.

KIRPICHNIKOVA. N. *Nevskaya bitva i ee takticheskie osobennosti* // Knyaz' Aleksandr Nevskii i ego epokha: Issledovaniya i materialy. SPb., 1995.

KLOSS B. M. *Letopis' Nikonovskaya* // Slovar' knizhnikov i knizhnosti drevnei Rusi. L., 1989. Vyp. 2 (vtoraya polovina XIV — XVI v.), ch. 2.

KLOSS B. M. *Letopis' Novgorodskaya pervaya* // Slovar' knizhnikov i knizhnosti drevnei Rusi. L., 1987. Vyp. 1: (XI — pervaya polovina XIV v.).

KLOSSB. M. *Predislovie k izdaniyu 2000 g.* // PSRL. M., 2000. T. 15: Rogozhskii letopisets. Tverskoi sbornik.

KONSTANTIN BAGRYANORODNYI. *O bupravlenii imperiei*: Tekst, perevod, kommentarii / Pod red. G. G. Litavrina, A. P. Novosel'tseva. M., 1989.

KRIVOSHEEV YU. V. *Aleksandr Nevskii, mongoly i narod* // Istoricheskie orientiry rossiiskoi gosudarstvennosti: Aleksandr Nevskii. M., 2008.

KRIVOSHEEV YU. V., SOKOLOV R. A. *Aleksandr Nevskii: Epokha i pamyat'. Istoricheskie ocherki*. SPb., 2009.

KUCHKIN V. A. *Aleksandr Nevskii — gosudarstvennyi deyatel' i polkovodets srednevekovoi Rusi* // Otechestvennaya istoriya. 1996. № 5.

KUCHKIN V. A. *Yaroslav Vsevolodovich* // Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya. M., 2014.

Letopis' zhizni i deyatel'nosti Aleksandra Nevskogo / Sost.Yu. K. Begunov // Knyaz' Aleksandr Nevskii i ego epokha. Issledovaniya i materialy. SPb., 1995.

LUR'E YA. S. *Letopisets Rogozhskii* // Slovar' knizhnikov i knizhnosti drevnei Rusi. L., 1989. Vyp. 2, ch. 2.

LUR'E YA. S. Obshcherusskie letopisi XIV–XVvv. L., 1978.

LUR'E YA. S. *Letopis' Lavrent'evskaya* // Slovar' knizhnikov i knizhnosti drevnei Rusi. L., 1987. Vyp. 1: (XI — pervaya polovina XIV v.).

MATUZOVA V. I., NAZAROVA E. L. *Krestonostsy i Rus'. Konets XII v. — 1270 g. Teksty, perevod, kommentarii*. M., 2002.

NAZAROVA E. L. *Livonskii orden* // Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: Entsiklopediya. M., 2014.

NOVIKOVA O. L. *Predislovie k izdaniyu 2009 g.* // PSRL. M., 2009. T. 30: Vladimirskii letopisets. Novgorodskaya vtoraya (Arkhivskaya) letopis'.

PASHUTO V. T. *Aleksandr Nevskii*. M., 1974.

POLEKHOV S. V. *Mindovg* // Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: Entsiklopediya. M., 2014.

POCHEKAEV R. YU. *Tsar i ordynskie. Biografii khanov i pravitelei Zolotoi Ordy*. SPb., 2010.

RYBINA E. A. *Torgovlya srednevekovogo Novgoroda: Istoriko-arkheologicheskie ocherki*. Velikii Novgorod, 2001.

SEVAST'YANOVA O. V. *Drevnii Novgorod: Novgorodsko-knyazheskie otnosheniya v XII — pervoi polovine XV v.* M.; SPb., 2011.

Spory o novgorodskom veche: Mezhdistsiplinarnyi dialog. SPb., 2012.

SREZNEVSKII I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam*. SPb., 1903. T. 3.

TORKUNOVA. V. *Aleksandr Nevskii i rossiiskaya diplomatiya* // Istoricheskie orientiry rossiiskoi gosudarstvennosti: Aleksandr Nevskii. M., 2008.

SHASKOL'SKII I. P. *Bor'ba Rusi protiv krestonosnoi agressii na beregakh Baltiki v XII–XIII vv.* L., 1978.

SHASKOL'SKII I. P. *Nevskaya bitva 1240 goda v svete dannykh sovremennoi nauki* // Knyaz' Aleksandr Nevskii i ego epokha: Issledovaniya i materialy. SPb., 1995.

YANIN V. L. *Knyaz'ya novgorodskie* // Velikii Novgorod. Istoriya i kul'tura IX–XVII vekov: Entsiklopedicheskii slovar'. SPb., 2009.

YANIN V. L. *Novgorodskie akty XII–XV vv.: Khronologicheskii kommentarii*. M., 1991.

Список литературы

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.

Бобров А. Г., Дмитриева З. В. От составителей // ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись.

Владимир, митрополит. Святой Александр Невский как полководец и дипломат // Исторические ориентиры российской государственности: Александр Невский. М., 2008.

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Т. 6 (16).

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — XIII в.): Тексты, перевод, комментарий. М., 2000.

Джаксон Т. Н., Кучкин В. А. Год 1251, 1952 или 1257? (К датировке русско-норвежских переговоров) // Восточная Европа в древности и средневековье. X чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1998.

Кирпичников А. Н. Невская битва и ее тактические особенности // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995.

Клосс Б. М. Летопись Никоновская // Словарь книжников и книжности древней Руси. Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в., ч. 2.

Клосс Б. М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: XI — первая половина XIV в.

Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник.

Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989.

Кривошеев Ю. В. Александр Невский, монголы и народ // Исторические ориентиры российской государственности: Александр Невский. М., 2008.

Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский: Эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2009.

Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5.

Кучкин В. А. Ярослав Всеволодович // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014.

Летопись жизни и деятельности Александра Невского / Сост. Ю. К. Бегунов // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995.

Лурье Я. С. Летописец Рогожский // Словарь книжников и книжности древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1978.

Лурье Я. С. Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: XI — первая половина XIV в.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Назарова Е. Л. Ливонский орден // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Новикова О. Л. Предисловие к изданию 2009 г. // ПСРЛ. М., 2009. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись.

Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1974.

Повести о житии и о храбрости благовернаго и великаго князя Александра / Подг. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // Библиотека литературы древней Руси. СПб., 1997. Т. 5: XIII век.

Полехов С. В. Миндовг // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014.

Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010.

Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.

Севастьянова О. В. Древний Новгород: Новгородско-княжеские отношения в XII — первой половине XV в. М.; СПб., 2011.

Споры о новгородском вече: Междисциплинарный диалог. СПб., 2012.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3.

Торкунов А. В. Александр Невский и российская дипломатия // Исторические ориентиры российской государственности: Александр Невский. М., 2008.

Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.

Шаскольский И. П. Невская битва 1240 года в свете данных современной науки // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995.

Янин В. Л. Князья новгородские // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2009.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.

М. Б. Свердлов. Александр Невский — гений стратегии и тактики

Автор определяет талант как выдающиеся природные способности, гений как высшие творческие способности. По его мнению, талант создает новые ценности всех видов человеческой деятельности в пределах ее существующей парадигмы, тогда как гений создает новую позитивную парадигму человеческой деятельности. При этом понятия «стратегия» и «тактика» относятся не только к военной, но также к общественно-политической деятельности.

Научному изучению деятельности Александра Невского посвящено множество исследований. Другие авторы следуют принципам художественной правды. По законам этого жанра происходит отбор исторических фактов и их целенаправленная интерпретация. Следствием такого подхода является осознанная идеализация князя. В новейшее время активного вторжения постмодернизма в художественное творчество определяющим стало не реалистическое познание объективной действительности в художественных образах, но субъективное авторское самовыражение без объективных критериев. Александр Невский сформировал и осуществил военно-политическую концепцию последовательного активного противодействия военными и мирными средствами агрессивной политике западных соседей с одновременным подчинением ордынским ханам.

Ключевые слова: Александр Невский, стратегия, тактика, методы управления, внешняя и внутренняя политика.

M. B. Sverdlov. Alexander Nevskij as a genius in strategy and tactics

The author defines talent as prominent natural abilities and genius as the highest creative abilities. On his opinion, talent creates new values in all kinds of human activity in its paradigm. The genius creates new positive paradigm in human activity. The words “strategy” and “tactics” mean not only military but also social and political activity.

Many studies are concerned on Alexander’s activity. However, there is another method of studies according to arts truth. Authors idealize any hero. However, in our époque of postmodernism they prefer to express theirself without any objective reality. That is why there are so many points of view on Alexander’s activity.

Alexander has formed and realized military and political conception of active resistance by military and peaceful means to western neighbors. At the same time, it was combined with political subjugation to Khans of the Golden Horde. He has decided these problems ingeniously, on the highest level of talent. Alexander used peace, mild and cruel methods of government in his internal affairs to achieve sovereign good for Russian land.

Key words: Alexander Nevskij, strategy, tactics, methods of government, internal affairs.

Свердлов Михаил Борисович — д.и.н., главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
Sverdlov Michail Borisovitch — Dr. of Sciences (History), chief researcher, St Petersburg Institute of History, Professor, Russian State Pedagogical University.
E-mail: sverdlovmb@mail.ru